

Оксана Юрьевна Васильева

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омск, Россия
e-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Диана Олеговна Вольных

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, студентка, Омск, Россия
e-mail: 570_2345@mail.ru

Антропоцентрическое описание ономастической лексики в динамическом аспекте (на материале летописных фондов XIV–XVII веков)

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению и систематизации ономастического номинативного фонда, реализованного в летописных сводах XIV–XVII вв., что позволило интерпретировать эволюцию русской антропонимической системы IX–XVII вв. и понять истоки современной традиции трехчленного состава имени. Историко-лингвистический и структурно-семантический аспекты анализа ономастической лексики IX–XVII вв. способствовали выявлению основополагающих черт поэтапного развития антропонимической системы, ее подкатегорий — имени, отчества, родового прозвания, прозвища.

Ключевые слова: номинативная функция языка, эволюция антропонимической системы, имя, отчество, родовое прозвание, прозвище.

Oksana Yu. Vasilyeva

Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk, Russia
e-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Diana O. Volnykh

Dostoevsky Omsk State University, Student, Omsk, Russia
e-mail: 570_2345@mail.ru

Anthropocentric Description of Onomastic Vocabulary in a Dynamic Aspect (Based on the Chronicle Funds of the 14–17th Centuries)

Abstract. The article is devoted to the comprehensive study and systematization of the onomastic nominative fund implemented in the annals of the 14–17th centuries, which allowed us to interpret the evolution of the Russian anthroponymic system of the 9–17th centuries and to understand the origins of the modern tradition of the three-part composition of the name. Historical-linguistic and structural-semantic aspects of the analysis of onomastic vocabulary of the 9–17th centuries contributed to the identification of the fundamental features of the gradual development of the anthroponymic system, its subcategories — name, patronymic, generic nickname, nickname.

Keywords: nominative function of the language, evolution of the anthroponymic system, name, patronymic, generic nickname, nickname.

Введение (Introduction)

Система понятий, которой обладает современный человек, покоится на системе названий. Сталкиваясь с ранее неизвестным предметом или явлением окружающего мира, человек пытается сохранить его в своем сознании. Для начала он формирует понятие о данном предмете, выделяя его важнейшие качества и характеристики, а затем уже

дает обследованному предмету *имя*, чтобы иметь возможность оперировать сформированным понятием в процессе речи в дальнейшем. Поэтому, по справедливому замечанию Б. Ю. Нормана, «называние составляет неотъемлемую часть познания» [1, с. 78]. В этом контексте лингвистически значимым предстает изучение отечественной антропонимической системы, имеющей, как оказалось, определенный

вектор эволюции — от традиции именования односложным именем до привычной ныне трехчленной системы именования, включающей имя, отчество и фамилию. В связи с этим актуальность исследования обусловлена ретроспективным изучением ономастической лексики IX–XVII вв. в динамическом аспекте, что способствует установлению степени развития русской антропонимической системы в разные исторические периоды.

Этимологический, деривационный и лексико-семантический аспекты изучения указанного номинативного фонда позволяют выявить особенности его системной организации, а также описать характер смысловых отношений, степень влияния заимствованной лексики на его становление и формирование. Целью работы стала деривационная и историко-этимологическая характеристика ономастической лексики IX–XVII вв. Ономастическая лексика обозначенного периода — весьма ценный материал для историко-лингвистического исследования, поскольку не только способствует изучению процессов, происходивших на различных уровнях языка, но и дает дополнительные сведения этнокультурологического характера.

Методы (Methods)

Отбор лексических единиц для исследования осуществлен благодаря методу сплошной выборки. Выявление вероятностно-статистических данных, а также подсчет наиболее частотных, ведущих элементов антропонимической системы произведены с помощью количественно-статистического анализа. Характеристика номинаций стала возможна при использовании описательного метода. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил обнаружить сходства и различия в устройстве и функционировании антропонимической системы разных периодов, что способствовало установлению специфики ее поэтапного развития. Комплексный анализ способствует более глубокому изучению вопроса. Он синтезирует несколько методов: дефиниционный, деривационный, этимологический.

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретически значимым аспектом работы стала интерпретация номинативной функции. В отечественном языкознании этот вопрос освещен в трудах лингвистов разных эпох, в числе которых А. А. Гируцкий, А. Р. Лурия, Б. Ю. Норман, В. М. Солнцев, И. А. Стернин. И. А. Стернин акцентирует внимание на тесной связи языка и действительности; не случайно номинативной функцией он называет «функцию обозначения средствами языка предметов и явлений внешнего мира» [2, с. 16]. Но не каждый предмет действительности получает свое имя, как утверждает Б. Ю. Норман: «Человек по своей природе прагматик, ...он пользуется номинативной функцией с умыслом, избирательно, называя в первую очередь то, что для него ближе и важнее всего» [1, с. 79]. На это важное свойство наименования в свое время обратил внимание и основоположник теоретического языкознания В. фон Гумбольдт: «Как предметы внешнего мира, так и возбуждаемая внутренними причинами деятельность воздействуют на человека множеством признаков. Однако рассудок стремится к выявлению

в предметах общего. Он сравнивает, расчленяет и соединяет и свою высшую цель видит в образовании всё более и более объемлющего единства» [3]. Таким образом, объект действительности рассматривается человеком расчлененно, что позволяет выделить из множества его характеристик важнейшую, которая в дальнейшем ляжет в основу образования номинации.

Эмпирической базой исследования послужили работы А. М. Селищева [4], Е. Н. Поляковой [5], Б. О. Унбегауна [6], В. К. Чичагова [7], А. В. Суперанской и А. В. Сусловой [8], в которых репрезентированы основополагающие аспекты развития русской антропонимической системы с момента ее зарождения и до современного состояния.

Основополагающими для настоящего исследования стали фундаментальные труды лексикографического характера, в которых собран, описан и структурирован обширный ономастический материал. Среди таких работ стоит отметить «Энциклопедию русских фамилий» Т. Ф. Вединой [9], «Словарь современных русских фамилий» И. М. Ганжиной [10], «Современный словарь личных имен» А. В. Суперанской [11] и «Ономастикон» С. Б. Веселовского [12].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Среди текстов летописного свода проанализирована не только древнейшая дошедшая до наших дней Лаврентьевская летопись, но и одна из сибирских летописей — Ремезовская.

Методом сплошной выборки из текста Лаврентьевской летописи было отобрано 96 антропонимов. В результате анализа удалось установить, что с IX по XIII в. антропонимическая система претерпела значительные изменения, которые обусловлены как внутриязыковыми причинами, так и экстралингвистическими.

В IX в. в качестве имени русского человека использовались в подавляющем большинстве исконно русские номинативные единицы, образованные в результате сложения нескольких основ (*свят-, рад-, вяч-, мир-, слав-, раст-, влад-, яр-*). В меньшей степени представлена группа заимствованных антропонимов скандинавского происхождения. Однако необходимо понимать, что изначально их носителями были варяги, пришедшие на Русь и занявшие княжеский престол. Соответственно, группа антропонимов IX в. репрезентирована следующими номинативными единицами: *Радимь, Вятко, Святъславъ, Ярополкъ, Володимерь, Ярославъ, Ростиславъ, Святополкъ, Рюрикъ, Ольгъ, Игорь, Труворъ*. Из 12 антропонимов 8 имеют славянские корни (*Радимь, Вятко, Святъславъ, Ярополкъ, Володимерь, Ярославъ, Ростиславъ, Святополкъ*), 4 — скандинавские (*Рюрикъ, Ольгъ, Игорь, Труворъ*).

В XI в. наряду с именем начинают изредка употребляться отчества и родовые прозвания, при этом полное именование человека варьируется в зависимости от его социального положения и рода деятельности. Для княжеской династии становится важна идея преемственности, поэтому именование князя нередко начинается сопровождаться указанием отца и деда (например, *Изяславъ, сынъ Володимерь; Ростиславъ, сын Володимерь, внук Ярославль*). Можно заметить, что указание отца оформляется или развернутым

приложением, состоящим из существительного *сынъ* с притяжательным прилагательным (*сынъ Володимерь, сынъ Святославль, сынъ Остромиръ* и др.), или синтетической формой, в которой идею притяжательности выражает суффикс *-ич-* (*Творимиричь, Ростиславичь, Володимеричь* и др.). Указание деда в составе именованья пока оказывается возможным лишь с помощью приложения, включающего существительное *внукъ* и притяжательное прилагательное (*внукъ Володимерь, внукъ Ярославль*). Позже эта категория оформится в родовое прозвание, а затем — в фамилию и расширит деривационные возможности.

В антропонимической системе XI в. представлены следующие группы антропонимов: исконно русского происхождения (всего 23), среди которых *Ярославъ, Борисъ, Болеславъ, Ратиборъ, Туки, Славята, Творимиричь, Жирославичь, Переяславский* и др.; греческого и древнееврейского происхождения (для священнослужителей, всего 10) — *Ларіон, Антоній, Варламъ, Феодосій, Михаиль, Софроній, Іоанъ (Ивань)* и др.; древнееврейского происхождения (для остальных социальных групп, всего 2) — *Ивань, Давыдъ*; греческого происхождения (для остальных социальных групп, 2) — *Гюрята, Василькъ*; скандинавского происхождения (всего 4) — *Глѣбъ, Игоръ, Ольгъ, Рюрикъ*.

Как и ранее, в указанный период доминируют собственно русские языковые единицы, однако отмечается небольшой процент проникновения иноязычного компонента в полные формы именованья князей и бояр, например *Ивань Творимиричь, Игоревичъ Давыдъ, Гюрята Роговичъ*. Что же касается среды священнослужителей, то здесь встречаются только христианские имена. Наряду с христианским именем, священнослужитель получал прозвище, указывающее на место его службы (*Петръ Переяславский, Михаиль Юрьевский, Феодосій Печерский*).

Бояре именовались зачастую одним именем: *Туки, Славята, Путята*. Антропонимы *Славята* и *Путята* имеют общую словообразовательную модель и представляют собой простые производные языковые единицы, образованные с помощью суффикса *-ят-* от основ полных имен — *Вячеслав* и *Путислав*. Антропоним *Туки*, вероятно, образован от лексемы *тук* — «жир, сало, вязь; вообще волога, масло, всё жирное» [13]. Исследователи А. В. Беседовская и О. М. Мысенко интерпретируют прозвище *Туки* следующим образом: «В древности имя *Туки* могло характеризовать упитанного, физически крепкого человека. ...Примечательно, что слово жир имеет значение 'богатство'» [14, с. 395]. Из сказанного следует, что антропоним *Туки*, будучи производным от лексемы *тук*, не имел негативной коннотации, а, наоборот, положительно характеризовал своего носителя: имя *Туки* указывало на человека *богатого силой и здоровьем*.

К XIII — началу XIV в. наблюдается значительное преобладание христианских имен над исконно русскими независимо от среды употребления. В целом зафиксировано 38 имен, но лишь 10 из них имеют исконно русское происхождение: *Ярославъ, Володимерь, Изяславъ, Святославъ, Мстиславъ, Борисъ, Жидославъ, Ростиславъ, Всеволодъ, Всеслава*. Также представлены антропонимы древнегерманские (всего 4) — *Игоръ, Рюрикъ, Глѣбъ, Олегъ*; древ-

нееврейские (всего 7) — *Ивань, Данило, Михайло, Еремѣй, Гаврило, Давыдъ, Марья*; греческие (всего 14) — *Георгій, Александръ, Діонисій, Андрѣй, Офанасій, Дмитрій, Феодоръ, Кузма, Петръ, Василій, Елена, Федосья, Февронья, Огафья*; латинские (всего 3) — *Демьянь, Романъ, Костянтинъ*. В результате широкого употребления заимствованных номинативных единиц происходит десемантизация категории имени.

Также в указанный период повышается частотность употребления прозвищ в княжеской среде. Зачастую прозвища князей указывают на место правления (*Рюрикъ Кіевський, Ярославъ Переяславський, Романъ Галицкій*). В редких случаях появляются прозвища, характеризующие внешний вид носителя (*Всеволодъ Чермный*).

Имя княгини XIII в. в подавляющем большинстве случаев включало отчество. Для женщины, представляющей правящую династию, было важно ее происхождение, отсюда — частотность и первостепенность употребления этой категории. Княгини могли называться просто по отчеству (*Борисковна, Глѣбовна*), по имени и отчеству (*Огафья Костянтиновна*), даже по собственному отчеству и отчеству отца (*Даниловна Романовича*). Интересно, что имена собственные употреблялись крайне редко — указание на отца именованной было важнее собственного имени женщины, что свидетельствует о приверженности русских людей XIII в. идеям патриархата. Иногда к отчеству добавляется прозвище, указывающее на место, где княжит отец, например: *Михайловна Черниговскаго князя, Костянтиновна Черниговскаго князя*. Прозвище представляет собой застывшую в родительном падеже аналитическую форму, включающую существительное *князь* с притяжательным прилагательным.

Из текста Ремезовской летописи было отобрано и проанализировано 27 номинативных единиц. По типологии именованья второй половины XVI — начала XVII в. можно заключить, что к XVII в. категории имени, отчества, родового прозвания, прозвища, а также структура полного именованья сложились. В связи с этим начала закрепляться трехчленная система именованья.

Заимствованные имена окончательно вытеснили исконно русские, за исключением имен, принадлежавших святым, признанным церковью (например, *Владимир, Борис*). Среди 16 антропонимов представлены греческие (всего 7) — *Ермакъ, Алексѣй, Фодоръ, Дмитрій, Николай, Василій, Ефимъ*; латинские (всего 2) — *Романъ, Максимъ*; древнееврейские (всего 4) — *Ивань, Михаиль, Семень, Данило*; арамейские (всего 1) — *Оома* и русские (всего 2) — *Володимерь, Богданъ*.

В тексте летописи зафиксированы пять прозвищ: *Мясной, Глухой, Брязга, Гроза, Епанча*. Можно констатировать, что во второй половине XVI — начале XVII в. прозвище имело ассоциативную связь со своим носителем, т. е. в основу образования прозвища был положен отличительный признак индивида, будь то его черта характера, особенность внешности или какой-то атрибут. Так, *Мясным* называли человека крупного, упитанного; *Грозой* — человека, внушающего страх, ужас; *Брязгой* — болтуна или сплетника; у *Глухого* был физический дефект (он плохо слышал),

а *Епанчу* узнавали по безрукавому плащу. Заимствованное имя не выделяло носителя среди других, поскольку было непонятным, «семантически темным». К тому же группа принятых для официального именования антропонимов была небольшой, отчего даже в узком кругу были носители одного имени (например, особо распространено было имя *Ивань*). Отсюда возникла необходимость в употреблении прозвищ, что и объясняет их широкое распространение к XVII в.

От прозвища предка стали образовываться родовые прозвания: *Бутурлинь* — от *Бутурля*, *Мурашкинь* — от *Мураш*, *Строгановъ* — от *Строганый*, *Колцевъ* — от *Колча*, *Чулковъ* — от *Чулук*. Прокомментируем эти номинации.

По указанию С. Б. Веселовского, «*Бутурля* — болтун, пустомеля, враль» [12, с. 31]. По мнению М. Фасмера, следует обратить внимание на «чагат. *butur* 'наглый, нахальный, веселый, резвый'» [15].

Мураш и *муравей* — однокоренные лексемы. В «Толковом словаре» Т. Ф. Ефремовой отмечено: «*Мураш* (разг.) — мелкое насекомое подотряда жалящих перепончатокрылых, живущее большими сообществами; муравей» [16]. Таким образом, в современном русском языке *мураш* — разговорный вариант стилистически нейтральной лексической единицы *муравей*. По данным «Этимологического словаря» М. Фасмера, «праславянский корень **morvi-* родственен ирл. *toirb* — то же (**morvi-*), авест. *maoiri-* м. (**marvi-* или *mauri-*), др.-инд. *vamṛí* ж., *vamṛás* м. 'муравей', *valmīkas* 'муравейник', др.-исл. *maurr* м. (**maura-*), др.-шв. *múr*, *múra* ж. (**meurīōn-*)» [15].

И. М. Ганжина определяет, что «*строганым* называли либо худощавого человека, либо получившего ножевые ранения» [10, с. 547]. Ю. А. Федосюк приводит исторический факт, подтверждающий вторую точку зрения: «Известные промышленники Строгановы объясняли свою фамилию тем, что их предок, казак, побывал в турецком плену, где был изувечен, "обстроган"» [17, с. 136].

Глагол *строгать*, от которого образовано прозвище *Строганый*, имеет древнее происхождение: «корень *строг-* восходит к праславянскому корню **strǫg-*, родственному лтш. *strūgaĩns* 'полосатый' (**strūga* 'полоса'), др.-исл. *striuka* 'гладить, стирать, проводить', греч. *στρέιυομαι* 'обессиливаю, чахну', вост.-фриз. *strōk* 'полоса'» [15].

Колча, по свидетельству С. Б. Веселовского, — «человек хромой, колченогий» [12, с. 129]. По справедливому замечанию Г. А. Крылова, лексема *колча* «образована от диалектного, ныне исчезнувшего глагола *колтать* 'хромать'» [18]. Существование этого глагола в псковских говорах подтверждает и словарь В. И. Даля: «Колтать — пск. колтыхать, хромать» [13]. М. Фасмер предполагает родство вышеназванной лексемы с «греч. *κυλλός* 'скрюченный, согнутый, хромой, изувеченный', *κυλλάινω* 'искривляю, парализую', др.-инд. *kuṭitas* 'стянутый', *kūṭās* 'с обломанными рогами'» [15]. К той же основе восходят слова *культя*, *культяк*, *культяпка*, *культяга*, маркированные как диалектные, просторечные лексические единицы.

Чулком человека, вероятно, прозвали на основе метонимического переноса. Обращаясь к данным словаря М. Фасмера, можно прийти к выводу, что слово *чулук* было заим-

ствовано из тюркских языков: ср. «чувакское *tšǎlga*, *tšulga* 'чулок', татарское *čolǵau* 'портянка', кыпчакское *čulǵau* 'обмотка, онуча', казахское *šulǵau*, алтайское *čulǵu* 'пеленка'» [15].

Для общепринятой традиции именования XVI–XVII вв., рассмотренной выше, не типично родовое прозвание *Мансуровъ* — вероятно, ввиду своего происхождения. Как отмечает И. М. Ганжина, «фамилия *Мансуров* происходит от татарского имени *Мансур*, в основе которого лежит арабское слово *mansūr* 'победитель, победоносный'» [10, с. 308]. Ремезовская летопись — письменный источник Сибирского региона, который долгое время находился под властью татарского ханства. Поэтому можно предположить, что предок *Ивана Мансурова* либо непосредственно принадлежал к татарской народности, либо на выбор его имени оказала влияние татарская культура.

Заключение (Conclusion)

Обобщающая конституирующая характеристика русской антропонимической системы сформирована на базе историко-лингвистической реконструкции моделей наименования человека в истории русского литературного языка. Наиболее продуктивным способом деривации собственных имен на протяжении всей истории развития антропонимической системы оказалась суффиксация, что обусловлено категориальным значением отчеств, определенных типов прозвищ, родовых прозваний — все они выражают идею преемственности поколений, принадлежности к конкретному роду, семье, предку. Для исконно русских имен было показательно образование способом сложения основ или усечения производящей основы, однако с вытеснением их христианскими именами указанные способы оказались малопродуктивны в системе образования антропонимов.

В антропонимической системе второй половины IX в. частотно именованное русское человека исконно русским именем, понятным для носителя и связанным с ним. Обычно имя указывало на характер именованного или на его связь с географическим объектом.

Для XI в. характерно зарождение категорий отчества и родового прозвания. Структура полного именования зависит от социального положения именованного: по имени с указанием отца и деда (для князей), по имени с указанием отца (для князей, реже — для бояр), по имени и прозвищу (для священнослужителей), только по имени (для князей, бояр). В среде священнослужителей зафиксировано употребление иноязычных антропонимов.

В антропонимической системе XIII в. отмечается вытеснение исконно русских имен христианскими и десемантизация категории имени. В княжеской среде начинают активно употребляться прозвища, чаще указывающие на место правления именованного, реже — на его внешний вид. В структуре именования русского человека закрепились категории отчества.

Наконец, во второй половине XVI — начале XVII в. в официальных документах утвердилась трехчленная система именования русского человека и стала включать в себя имя, отчество и родовое прозвание. Родовые прозвания зачастую образовывались или от прозвища предка, или от

его имени, или от названия местности суффиксальным способом с помощью суффиксов *-ин-*, *-ов/ев-*, *-ск/ь-*. Частотное употребление прозвищ.

Подводя итоги, важно отметить не только специфику процесса именования человека в конкретную историчес-

кую эпоху развития русского литературного языка, но и комплексный, подразумевающий синтез генетического, семантического, структурного, деривационного, грамматического, гендерно и социально значимых аспектов подход при формировании традиции именования.

Библиографический список

1. Норман Б. Ю. Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2003. 296 с.
2. Введение в языкознание. Курс лекций : учеб. пособие / под общ. ред. О. Н. Чарыковой, И. А. Стернина. Воронеж : Истоки, 2016. 142 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию // Classes.ru : [сайт]. URL: https://classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_10.htm?usclid=l2hjtshz0 (дата обращения: 28.11.2021).
4. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. М. : Просвещение, 1968. С. 97–198.
5. Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий. М. : Просвещение, 1975. 157 с.
6. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенского. М. : Прогресс, 1989. 443 с.
7. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: вопросы русской исторической ономастики XV–XVII веков. М. : Учпедгиз, 1959. 126 с.
8. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских фамилиях. М. : Азбука-классика : Авалон, 2008. 288 с.
9. Ведина Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения // Bookscafe.net : электрон. б-ка. URL: https://bookscafe.net/read/vedina_tamaraenciklopediya_russkih_familii_tayny_proishozhdeniya_i_znacheniya-151193.html (дата обращения: 07.02.2022).
10. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М. : Астрель, 2001. 672 с.
11. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005. 384 с.
12. Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974. 382 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 10.10.2020).
14. Беседовская А. В., Мысенко О. М. Личные имена «Повести временных лет» как отражение картины мира средневекового человека // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2011. Т. 13, № 2–2. С. 388–396.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 10.10.2020).
16. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 15.02.2022).
17. Федосюк Ю. А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М. : Детская литература, 1972. 223 с.
18. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/krylov> (дата обращения: 05.05.2022).

References

- Besedovskaya A. V., Mysenko O. M. (2011) Lichnye imena "Povesti vremennykh let" kak otrazhenie kartiny mira srednevekovogo cheloveka [Personal Names of the Primary Chronicle As Reflection of the Mediaeval Man Worldview], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 13, no. 2–2, pp. 388–396. (in Russian)
- Charykova O. N., Sternin I. A. (2016) *Vvedenie v yazykoznanie. Kurs lektsii [Introduction to Linguistics. Lecture Course]**. Voronezh, Istoki Publ., 142 p. (in Russian)
- Chichagov V. K. (1959) *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii: voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vekov [From the History of Russian Names, Patronymics and Surnames: Questions of Russian Historical Onomastics of the 15–17th Centuries]**. Moscow, Uchpedgiz Publ., 126 p. (in Russian)
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]**, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/dal> (accessed: 10.08.2022). (in Russian)
- Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]**, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed: 15.02.2022). (in Russian)
- Fasmer M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]**, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer> (accessed: 10.08.2022). (in Russian)
- Fedosyuk Yu. A. (1972) *Russkie familii. Populyarnyi ehtimologicheskii slovar' [Russian Surnames. A Popular Etymological Dictionary]**. Moscow, Detskaya literatura Publ., 223 p. (in Russian)
- Ganzhina I. M. (2001) *Slovar' sovremennykh russkikh familii [Dictionary of Modern Russian Surnames]**. Moscow, Astrel' Publ., 672 p. (in Russian)

Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu [Selected Works on Linguistics]*, *Classes.ru*. Available at: https://classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_10.htm?ysclid=l2hjtshz0 (accessed: 28.11.2021). (in Russian)

Krylov G. A. Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]*, *Gufo.me*. Available at: <https://gufo.me/dict/krylov> (accessed: 05.05.2022). (in Russian)

Norman B. Yu. (2003) *Teoriya yazyka. Vvodnyi kurs [Theory of Language. Introductory Course]**. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 296 p. (in Russian)

Polyakova E. N. (1975) *Iz istorii russkikh imen i familii [From the History of Russian Names and Surnames]**. Moscow, Prosveshchenie Publ., 157 p. (in Russian)

Selishchev A. M. (1968) Proiskhozhdenie russkikh familii, lichnykh imen i prozvizhch [The Origin of Russian Surnames, Personal Names and Nicknames], *Selected Works*. Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 97–198. (in Russian)

Superanskaya A. V. (2005) *Sovremennyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Writing]**. Moscow, Airis-press Publ., 384 p. (in Russian)

Superanskaya A. V., Suslova A. V. (2008) *O russkikh familiyakh [About Russian Surnames]**. Moscow, Azbuka-klassika Publ., Avalon Publ., 288 p. (in Russian)

Unbegaun B. O. (1989) *[Russian Surnames]*. Moscow, Progress Publ., 443 p. (in Russian)

Vedina T. F. Ehntsiklopediya russkikh familii. Tainy proiskhozhdeniya i znacheniya [Encyclopedia of Russian Surnames. Secrets of Origin and Meaning]*, *Bookscafe.net*. Available at: https://bookscafe.net/read/vedina_tamaraenciklopediya_russkih_familij_tayny_proishozhdeniya_i_znacheniya-151193.html (accessed: 07.02.2022). (in Russian)

Veselovskii S. B. (1974) *Onomastikon: drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii [Onomasticon: Old Russian Names, Nicknames and Surnames]**. Moscow, Nauka Publ., 382 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.